

Он нашел архимедовскую точку опоры, но использовал ее против себя, лишь с этим условием, видимо, ему и было дано найти ее.

14 января 1920. Себя он знает, другим он верит, это противоречие распиливает для него всё.

Он живет в рассеянии. Его элементы скитаются по миру вольной ордой, и только потому, что его комната тоже принадлежит к миру, он иногда видит его вдали. Как он может нести ответственность за него? Разве это можно назвать ответственностью?

У него своеобразная входная дверь, когда она захлопывается, ее уже нельзя открыть, надо выламывать замок. Поэтому он никогда не запирает ее, а оставляет полуоткрытой и закладывает деревяшкой, чтобы дверь не захлопнулась. Это, конечно, лишает его всякого домашнего уюта. Его соседи, правда, заслуживают доверия, тем не менее ценные вещи он должен весь день носить с собой в сумке, а когда он лежит на диване у себя в комнате, кажется, будто он лежит в коридоре, летом оттуда тянет душным воздухом, зимой – ледяным.

Всего, даже самого обычного, например, обслуживания в ресторане, он должен добиваться лишь с помощью полиции. Это лишает жизнь всякой уютности.

У него множество судей, они как полчища птиц в ветках дерева. Их голоса перемешиваются, в вопросах ранга и компетенции разобраться нельзя, к тому же их места то и дело меняются. Кое-кого, однако, можно различить, например, того, кто держится мнения, что надо только однажды перейти на сторону добра и ты уже спасен, независимо от прошлого и даже независимо от будущего. Такое мнение не может, конечно, не совратить на сторону зла, если толкование этого перехода на сторону добра не очень строго. А оно очень строго, этот судья не признавал еще ни одного дела подсудным себе. Но вокруг него масса кандидатов, вечно тараторящий народ, который ему подражает. Они всегда слышат его...

2 февраля 1920. Он вспоминает одну картину, изображавшую летний день на Темзе. Река была во всю свою ширину заполнена лодками, которые ждали, чтобы открылся шлюз. Во всех лодках были веселые молодые люди в легкой светлой одежде, они почти лежали, отдаваясь теплему воздуху и речной прохладе. Благодаря этой общности их веселье не ограничивалось пределами отдельной лодки, от лодки к лодке перелетали шутки и смех.

Он представил себе, что где-то на лужайке на берегу – берега были на картине едва намечены, надо всем царило скопление лодок – стоял он сам. Он глядел на этот праздник, который вообще-то не был праздником, но мог быть так назван. Ему, конечно, страшно хотелось участвовать в нем, он прямо-таки тосковал, но он должен был признаться себе, что он отстранен, ему нельзя было влиться туда, для этого потребовалась бы такая большая подготовка, что за ней ушли бы в прошлое не только это воскресенье, не только множество лет, но и он сам, и даже если бы время пожелало остановиться здесь, все равно другого результата не получилось бы, все его происхождение, воспитание, физическое развитие должны были идти другим путем.

Так далек был он, значит, от этих спортсменов, но вместе с тем он был ведь и очень близок к ним, и это было труднее понять. Ведь они тоже были людьми, как он, ничто человеческое не могло быть им совершенно чуждо, если бы, стало быть, их исследовали, то непременно нашли бы, что чувство, которое им владело и отстранило его от этого лодочного похода, жило и в них, только оно отнюдь не владело ими, а лишь мелькало в каких-то темных углах.

Моя тюремная камера – моя крепость.

– Подняться мешает ему какая-то тяжесть, чувство застрахованности на всякий случай, ощущение ложа, которое ему приготовлено и принадлежит только ему; а лежать неподвижно мешает ему беспокойство, которое гонит его с ложа, мешает совесть, бесконечно стучащее сердце, страх перед смертью и желание опровергнуть ее, все это не дает ему лежать, и он поднимается снова. Эти подъемы и опускания и некоторые случайные, мимолетные, несущественные наблюдения, сделанные на этих путях, суть его жизнь.

– Твоя картина убийственна, но лишь для анализа, главную ошибку которого она показывает. Верно, человек поднимается, падает назад, снова поднимается и так далее, но в то же время и с еще большей верностью это вовсе не так, он ведь един, в полете, стало быть, есть и покой, а в покое полет, и то и другое соединено в каждом, и в каждом – соединенность, и в каждом соединенность соединенности и так далее вплоть до, ну, вплоть до действительности жизни, причем и эта картина столь же неверна и, может быть, даже еще обманчивее, чем твоя. Из этой местности нет пути к жизни, хотя от жизни сюда должен бы быть путь. Вот как мы заблудились.